

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности.....	7
Введение	9
ЧАСТЬ I. Формирование информационного поля	
проблемы терроризма: источники информации	
о террористических актах и их интерпретация	39
Глава I. Имперское правительство: борьба за контроль	45
1. Политика правительства в области информирования	
населения о террористических актах.....	45
2. Цензура и освещение террора в легальной печати.....	52
3. Официальная интерпретация народовольческого	
террора.....	59
Глава II. Участие Русской православной церкви	
в создании информационного поля	71
1. «Венценосный Мученик».	
Император как «жертва» террора	72
2. Образ террориста в речах проповедников	84
3. «За наши вины прогневался Господь».....	88
Глава III. Материалы судебных процессов «Народной воли».....	94
1. Судебная хроника народовольческих процессов	96
2. Прокуратура, защита, подсудимые:	
споры о терроре в зале суда	99
Глава IV. Влияние периодической печати на формирование	
информационного поля.....	109
1. Освещение террористических актов	
в периодической печати	112
2. Дискуссии о сущности террора.....	121
3. «Поставить общество в более благоприятные	
гигиенические условия...» Либеральная печать	
о методах борьбы с террором	133
4. «Если язва увеличивается, то на нее действуют	
прижиганием...» Проблема террора на страницах	
«охранительных» изданий	142
Глава V. Роль слухов при формировании	
информационного поля	152

Глава VI. «Запретный плод»: нелегальная литература	
как часть информационного поля.....	174
1. Споры о терроре на страницах нелегальных изданий	176
2. «Лицемерный деспот».	
Александр II в нелегальной литературе	186
3. «Святые тени мучеников за народное благо»	189
4. Четыре портрета русского общества	193
ЧАСТЬ II. Русское общество в 1879–1881 годах:	
обсуждая проблему терроризма	207
Глава I. Власть и общество: каналы коммуникации.....	209
1. Верноподданнические адреса: правила игры.....	210
2. «И крестик дорогому Царю!»	
Поднесения монарху от подданных	214
3. Записки о борьбе с террором:	
«Если слово сможет быть полезно для дела».....	216
Глава II. Образы террориста и их влияние	
на восприятие террора	226
1. «Преступник», «враг», «фанатик»:	
портрет в темных тонах	227
2. «Как они сами себя называют».....	236
3. Дискуссия о «школьном вопросе».....	242
Глава III. Император Александр II как «мишень» для террористов ...	254
1. Покушения на монарха	256
2. Покушения на человека	259
3. Покушения на политика	267
4. Цареубийство 1 марта 1881 года.....	276
Глава IV. «И влюбиться и возненавидеть»:	
политическое убийство в глазах русского общества	296
Глава V. Проекты борьбы с революционным террором.....	309
1. Проекты мер, направленных на террористов	313
2. Устранение причин, породивших террор	318
3. Террор и «увенчание здания».....	323
Глава VI. Русское общество в зеркале террора	332
«Совет двадцати пяти баарнов»: опыт полицейского	
парламентаризма (послесловие).....	352
Список сокращений	362
Именной указатель	363

ВВЕДЕНИЕ

Героем этой книги является русское общество.

Утверждение это столь же коварно, сколь лаконично. В самом деле, понятие «общество» широко используется в исторических сочинениях и при этом редко проблематизируется. Между тем любая попытка пристальнее взглянуться в этот предмет, а тем более дать ему какое-то одно четкое определение оканчивается неудачей. Нельзя сказать, чтобы смысл этой концепции вовсе ускользал от исследователя. Скорее, в разные моменты общество поворачивается к ученым отдельными и при этом трудносопоставимыми гранями. Более того, в разные исторические эпохи мы имеем дело с разными явлениями: русское общество, каким оно было в ноябре 1879 — марте 1881 года, существенно отличается от общества петровской и даже николаевской эпох.

О чем — или все-таки о ком пойдет речь?

Ответ на этот вопрос можно искать по-разному. Один из возможных путей — обратиться к истории понятия. Прослеживая бытование понятия «общество» в русском языке начиная со Средневековья, Д.Я. Калугин, один из авторов коллективной монографии «От общественного к публичному», указывает на радикальный перелом, произошедший в его употреблении в XVIII веке. Под влиянием западноевропейских политических теорий, восходящих к идеям естественного права и общественного договора, рождались новые формы концептуализации понятия «общество» и ряда устойчивых словосочетаний с прилагательным «общий» («общее благо», «общая польза», «общее спокойствие»)¹. Начиная со второй половины XVIII века они стали наполняться

¹ Калугин Д.Я. История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт // От общественного к публичному: Коллективная монография / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб., 2011. С. 332.

содержанием, причем в этой сфере действовали два контрагента. «Официальные педагогические доктрины» были направлены на воспитание у подданных качеств, «которые ограничивали сферу компетенции разума»: нравоучительный элемент преобладал над интеллектуальным. «Создавая “общество” западноевропейского типа, власть фактически ограничивала его задачи лишь овладением навыков “светского” (цивилизованного) поведения и демонстрацией лояльности»². В это же время в нарождающейся «публичной сфере» активно действовали интеллектуалы, представлявшие добродетель результатом «общения». Для них «пластика социальных взаимодействий оказывается более значимой, чем власть предписаний»³. В результате идейных исканий кружков интеллектуалов дореформенной поры рождается новое представление о человеческой личности, «противопоставляющей себя всем остальным за счет образования и активного отношения к жизни». Параллельно с 40-х годов XIX века наблюдается закат «хорошего общества» «с его гипертрофированной значимостью поведенческого кода», это общество «начинает восприниматься как фальшивое и неестественное»⁴. Изменяется «социальная топография»: понятие «общество» употребляется в это время уже не для обозначения социального верха, а как синоним «публики», которая является «потребителем культурной продукции»⁵, создаваемой печатными текстами «интеллектуалов».

В.Л. Каплун представляет историю этого же понятия в XVIII–XIX веках не как поступательное развитие, но как серию радикальных разрывов, смену «стилей мышления» об обществе. С его точки зрения, в связи с Великими реформами Александра II сложился стиль мышления об «общественности», который отличался от стиля мышления об «обществе» и «публике» последней трети XVIII — первой половины XIX века. Он предполагал «иные формы мысли, иной тип морального субъекта и форму экзистенциального опыта, иные культурные практики»⁶.

Экскурс в историю понятия «общество» позволяет с уверенностью говорить о невозможности дать ему универсальное определение или воспользоваться статьей в словаре интересующей эпохи. Вместо

² Калугин Д.Я. История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени. С. 333.

³ Там же. С. 340–341. См. также: Каплун В.Л. Общество до общественности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского Просвещения // От общественного к публичному. С. 395–486.

⁴ Калугин Д.Я. История понятия «общество»... С. 372.

⁵ Там же. С. 373–375.

⁶ Каплун В.Л. Общество до общественности. С. 417.

этого следует сказать несколько слов об особом «стиле мышления» об обществе, характерном для пореформенной поры. В отличие от авторов сборника «От общественного к публичному», сосредоточивших внимание на творчестве интеллигентской элиты, я воспользуюсь здесь текстами статей ежедневных газет. Разговор журналиста с читателем, изучающим свою утреннюю газету за завтраком, как правило, не предполагал полета интеллигентской мысли или блужданий в дебрях философской терминологии, но велся на уровне здравого смысла о вещах всем понятных. Именно он позволяет зафиксировать в представлении об обществе, постоянно менявшемся под воздействием идейных исканий и политических событий, интересующую меня точку: последние годы правления Александра II.

В 1879–1881 годах факт существования в Российской империи «общества» сомнений не вызывал. Даже парадоксальное суждение из статьи газеты «Неделя»: «Общество, общественное мнение, интересы печати, борьба партий — об этом мы еще недавно читали в одной газете, будто оно у нас есть. Все это европейские громкие слова, без европейского смысла и европейского содержания»⁷, — в сущности, не отрицало его наличия, но лишь яснее обнажало господствовавший идеал. В это время редкостью становилось понимание общества как сферы происходящего («В обществе говорят»). На страницах газет оно все чаще рисовалось как агент действия: «Общество одушевилось благодарностью и доверием», «Общество может предотвращать зарождение и развитие разного рода противообщественных элементов» и т.д.⁸

Центральным событием, явно или подспудно конституировавшим нормативное представление об обществе, была отмена крепостного права. К концу 1870-х годов в описаниях этой эпохи явственно видны признаки мифологизации: начало царствования Александра II ностальгически изображалось как золотой век, когда возникли все-сословные учреждения, появилась печать, имевшая возможность, как никогда ранее, свободно обсуждать общественные и политические вопросы, были созданы новая школа и новый суд — иными словами, «явились все, на чем лежит печать общественности и некоторой гражданской свободы»⁹. В противовес этому настоящее описывалось как время «апатии», «разброда», «нравственного разложения», вызванных тем, что общество «находилось или было поставлено в самое

⁷ Прострация // Неделя. 1880. 30 марта.

⁸ Русь. 1881. 3 января; Неделя. 1881. 8 марта.

⁹ Царский завет // Голос. 1881. 4 марта.

пассивнейшее положение»¹⁰. На какие бы причины этого ни указывали журналисты в соответствии с собственными и своей редакции политическими пристрастиями¹¹, норма представлялась им совершенно иначе. Общество мыслилось как реально существующая сила, действующая в публичном политическом пространстве, а о степени его самостоятельности и праве участвовать в политической жизни страны и влиять на решения самодержавной власти велись бурные дебаты.

В отличие от журналистов, чьи размышления об обществе нередко носили абстрактный, теоретический характер и мало соотносились с реальным положением дел, представители административного аппарата были вынуждены постоянно оперировать этим понятием исключительно в утилитарных целях. Прерогатива здесь принадлежала III отделению собственной Его Императорского Величества канцелярии, смысл существования которого заключался именно в надзоре за политическими настроениями населения. Наблюдение за тем, каким образом использовали понятие «общество» жандармы при составлении ежегодных политических обзоров, позволяет сделать ряд выводов. Чаще всего они употребляли понятие «общество» как удобную обобщающую категорию, позволяющую отделить «образованный класс населения» от «простого класса». В том случае, когда слово это употреблялось не в качестве простого маркера определенной группы сословий, но для описания реально существующего актора, тот воспринимался скорее как объект надзора и воспитания, а не как полноправный действующий субъект. Политическая полиция оценивала общество как «беспечное», находящееся под влиянием «двусмысленных внушений» прессы, неспособное к самостоятельности, а потому уповающее на правительство как на единственную силу, способную «найти выход из настоящего крайне трудного положения»¹². Нормой для общества были «доверие» к правительству, «политическая благонадежность» и отсутствие стремлений, «противных видам и намерениям правительства». Единственным проявлением инициативы, которое ожидала от общества власть, были «указания правительству лиц преступного направления, ежели таковые будут ему известны»¹³. Таким образом, источники позволяют зафиксировать продолжавший углубляться

¹⁰ Обзор дня // СПБ. 1881. 9 марта.

¹¹ См. разделы 3 и 4 главы IV части I.

¹² Политический обзор Московской губернии. 24 января 1880 г. // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии). З эксп. 1879. Д. 22. Л. 134–146.

¹³ Там же. Л. 139.

разрыв в понимании того, что есть «общество», у представителей административного аппарата и у журналистов, в это время претендовавших на роль руководителей общества и производителей смыслов.

Разыскания в области истории понятий позволяют ответить только на часть вопроса, заданного в самом начале: что такое общество или, точнее, как возможно было помыслить общество в преобразованную эпоху. Между тем остается второй вопрос: кто были те люди, которые составляли общество и думали о себе, в соответствии со «стилем мышления» своего времени, как о его представителях.

Единственная на данный момент попытка написать «большую историю» русского общества была предпринята В.Я. Гросулом в книге «Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и новации». В ней дано определение общества как «особого социального организма, отличного от власти и от народа»¹⁴. Американский историк Я. Коцонис пишет, что «общество», «культурные люди» существовали только в противопоставлении «темным массам». Все признаки различия внутри общества «перекрывались общими для всего русского образованного общества исходными посылками: различные группы связывал уже тот факт, что они могли обсуждать одни и те же вопросы внутри общей для них структуры воззрений»¹⁵. Эти наблюдения очень четко демонстрируют парадокс, с которым сталкивается исследователь, когда речь заходит о социальной топографии: общество (тех, кто его составляет) можно определить только через противопоставление кому-то другому, кого не включают в состав общества.

Указанная проблема была очевидна и в 1880 году, когда журналист Сергей Атава (С.Н. Терпигорев), задавшись вопросом, что такое общество, определил его с помощью двойного отрицания: это не «известный сорт и круг людей, имеющих прекрасные манеры, французский язык, бледный и изношенный цвет лица, плесть в двадцать лет». С другой стороны, это не «народ», а все, что «стоит над ним»¹⁶. Расплывчатость категории «общество» заставляла постоянно прибегать к разного рода уточнениям. В ходу были понятия «образованное

¹⁴ Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 6. Соглашусь со справедливой критикой В.Л. Каплунова, утверждающего, что автор находится под властью «стиля мышления» второй половины XIX века и универсализирует фигуру общества, понимаемого как «общественность», рассматривая ее непрерывную эволюцию на протяжении XVIII–XX веков и игнорируя принципиальное несходство общества преобразованной эпохи с тем, что обозначало это понятие в век Просвещения (Каплун В.Л. Общество до общественности. С. 414–419).

¹⁵ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. М., 2006. С. 17–18.

¹⁶ Атава С. (Терпигорев С.Н.) Положение — глупо // Порядок. 1881. 25 января.

общество», «интеллигентное общество», «культурное общество», «мыслящее общество» и т.д., подчеркивавшие такую характеристику этого слоя, которая позволяла выходить за пределы отдельных групп (сословных, корпоративных) и мыслить их частью целого. Изъян всех подобных определений заключается именно в отсутствии четкой границы, отделяющей общество от «простого народа». Очевидно, что во всех случаях речь идет не столько о грамотности, занятиях или уровне дохода, сколько о других, слабо формализуемых признаках, определяемых ситуативно и интуитивно.

Еще больше сложностей возникало и возникает при попытке в триаде «власть — общество — народ» отделить общество от власти. В политическом лексиконе конца 1870-х годов существовало множество понятий, описывавших эту противостоящую обществу силу: «правительство», «администрация», «бюрократия», «сановники», «заправляющие классы», «правящие сферы» и пр. Во всех случаях употребления этих понятий их объединяла одна особенность. Упоминания конкретных лиц, чьи действия соотносимы с действиями правительства (М.Т. Лорис-Меликов, А.А. Сабуров, Д.А. Толстой¹⁷), были до крайности редки в сравнении с упоминаниями власти как абстрактной силы не только на страницах газет (что зачастую было невозможно по цензурным соображениям), но и в частных, даже анонимных письмах. С другой стороны, трудно обнаружить полагавших себя членами общества людей, которые не были бы так или иначе связаны с чиновной иерархией: даже университетские профессора имели классный чин статского советника. Обращаясь к власть имущим, люди, давно вышедшие в отставку, подчеркивали свой статус «отставного полковника» или «отставного коллежского асессора и кавалера»¹⁸. Более того, представители «правящих сфер», такие как тайный советник цензор Н.В. Варадинов или генерал-майор Генерального штаба Н.Н. Гаврилов, не сомневались в том, что являются членами общества¹⁹. Если даже сенаторы порой

¹⁷ Письмо К.Д. Кавелина к графу М.Т. Лорис-Меликову // Русская мысль. 1906. № 5. С. 33; Докладная записка состоявшего при МВД действительного статского советника Соболева, 25 августа 1880 года // ГАРФ. Ф. 569 (М.Т. Лорис-Меликов). Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

¹⁸ Письмо М.Т. Лорис-Меликову, подписанное «Отставной полковник А.З.», 18 февраля 1880 года // РГИА. Ф. 1282 (Канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 643. Л. 280 об.; Сердюков И.И. — Лорис-Меликову М.Т., 2 марта 1880 года // Там же. Д. 642. Л. 484 об.

¹⁹ Записка тайного советника Варадинова, 26 февраля 1880 года // Там же. Л. 201; Гаврилов Н. — Лорис-Меликову М.Т., 7 марта 1880 года // Там же. Д. 643. Л. 1.

воспринимались как часть общества²⁰, то с уверенностью можно говорить лишь о том, что его представителями не были Государь Император, члены Императорской Фамилии, министры и, пожалуй, губернаторы.

Альтернатива определению общества через противопоставление «власти» и «народа» была предложена в уже цитированной статье С.Н. Терпигорева: «Общество — это все то, с включением и хорошего, и дурного, что грамотно, читает, служит, торгует, командует, пишет и проч. Иначе, кажется, и нельзя ведь определить»²¹. Таким образом, общество возможно было определить не через принадлежность к какому-то слою или простую включенность в какую-то социальную сеть, а через активную самостоятельную деятельность. При этом в размышлениях об обществе на первый план неизменно выходила политика, поскольку всякая самостоятельная деятельность, предпринимаемая без прямых указаний правительства, неизбежно приобретала политический характер²². Более того, с точки зрения известного юриста и общественного деятеля С.А. Муромцева, «образованное общество есть *факт* [здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив авторов. — Ю.С.], созданный русскою историей, перед которым каждая политическая сила должна преклоняться»²³.

Такой взгляд на общество как на единого агента действия, «игрока» в публичном политическом пространстве привел к возникновению в исторических исследованиях двух возможных интерпретаций рассматриваемого явления, во многом находящихся под влиянием либеральной историографической традиции конца XIX века, с одной стороны, и политической философии XX века, с другой. Первая из них представлена полемикой по поводу вопроса о существовании в Российской империи «гражданского общества»²⁴. Суть дискуссии

²⁰ Так, в одной из статей «Санкт-Петербургских ведомостей» утверждалось: «К величайшему нашему стыду, есть в среде нашего общества и сановники высших сфер, которые говорят, что нигилисты — сила, с которой надо считаться!» (Обзор дня // СПб. 1881. 15 февраля). См. также: Фадеев Р.А. С апреля 1879 по апрель 1880 г. // Фадеев Р.А. Собрание сочинений. СПб., 1890. Т. 3, ч. 2. Письма о современном состоянии России. С. 16.

²¹ Атава С. (Терпигорев С.Н.) Положение — глупо.

²² Там же. См. также: Страна. 1881. 24 февраля.

²³ Муромцев С. Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики (1880–1910). М., 1910. С. 5.

²⁴ О концепции «гражданского общества» и ее связи с теорией модернизации см.: Пиетров-Энкер Б., Ульянова Г. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007. С. 13–29.

заключается в том, можно ли говорить о таком феномене западной цивилизации, как «гражданское общество», применительно к самодержавному государству. Ученые, склонные утверждать, что данное явление имело место, ссылаются на то, что в России активно развивалась общественная жизнь в форме добровольных организаций, объединений, союзов или городских и сельских органов самоуправления²⁵. Противники этого подхода говорят о том, что самодержавное государство, подавляя общественную инициативу, не способствовало складыванию «гражданского общества»²⁶. Проблема заключается еще и в том, что разработанная на западноевропейском материале концепция «гражданского общества» предполагает наличие определенной социальной страты ее носителей. Речь идет о таких конвенциональных классификационных категориях, как «буржуазия» и «средние классы» («middle classes»), механическое перенесение которых на российский материал, как убедительно показывает немецкий историк Л. Хефнер, бесполезно. Когда эти аналитические категории, выработанные для описания западноевропейских общественных отношений, служат для оценки российского эмпирического материала, «все выводы подчеркивают в первую очередь отклонение от западной нормы, притом что присущая таким категориям компаративная перспектива не эксплицируется и не рефлексируется»²⁷. Не решает проблему носителя «гражданского общества» в России и предлагаемая некоторыми исследователями категория «интеллигенции», как вследствие размытости границ этого явления, так и вследствие идеологической окрашенности самого понятия: оно автоматически облагораживает те социальные группы, которые маркирует, так же как понятие «буржуазия» стигматизирует²⁸.

²⁵ Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII — начала XX века // Отечественная история. 2002. № 6. С. 50–63; Она же. Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160–167; Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009.

²⁶ Подробно дискуссия рассмотрена в статье: Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности. С. 35–60.

²⁷ Хефнер Л. *Civil society, Bürgertum* и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 174.

²⁸ Там же. С. 182.